

КРЮЧКОВА Т. Б.

К ВОПРОСУ О МНОГОЗНАЧНОСТИ
«ИДЕОЛОГИЧЕСКИ СВЯЗАННОЙ» ЛЕКСИКИ

Проблема взаимоотношения языка и идеологии¹ весьма сложна и многоаспектна. С одной стороны, идеология оказывает значительное воздействие на язык, с другой стороны, язык как средство объективации различных форм идеологии в определенной степени влияет на процесс ее формирования и распространения. Советские и зарубежные ученые не раз обращались к исследованию некоторых вопросов, связанных со взаимоотношением языка и идеологии. Однако при всей общетеоретической и практической значимости этой проблемы, а также ее безусловной актуальности она до сих пор остается малоизученной.

В советском языкознании определенный интерес к этой проблеме проявлялся в 20—30-е годы нашего столетия (этот период, как известно, вообще характеризовался усилением внимания к социолингвистической проблематике). К числу первых советских исследований, посвященных изучению взаимосвязи языка и идеологии, относятся работы В. Н. Волошинова [2] и В. И. Абаева [3], в которых предпринималась попытка рассмотреть указанную проблему в общетеоретическом плане. Однако следует отметить, что оба автора вкладывали в термин «идеология» существенно иное содержание, по сравнению с принятым в современной философской литературе.

К этому же периоду относятся работы более частного характера, посвященные изучению изменений, происходящих в лексико-семантической системе языка в моменты социальных революций [4—7] (интерес к языку Великой французской революции во многом стимулировался работой П. Лафарга [8]). Особенно необходимо подчеркнуть четкую методологическую позицию, положенную в основу исследования, в указанных работах Р. А. Будагова.

Ряд работ, затрагивающих проблему взаимоотношения языка и идеологии, появился в нашей стране в последнее десятилетие. Они касаются главным образом влияния идеологии на функционирование языка и его функциональное развитие [9—11]. Большое внимание в советских исследованиях уделяется также темам «язык как объект идеологической борьбы» и «язык как орудие идеологической борьбы» [12, 13].

В зарубежном языкознании в последние годы появились отдельные исследования, в которых предпринимаются попытки осветить некоторые общетеоретические проблемы взаимоотношения языка и идеологии. Так, на это, судя по заглавию, претендует книга Г. Кресса и Р. Ходжа «Язык как идеология» [14]. Однако следует сразу отметить, что понятие «идеология» трактуется авторами весьма широко и расплывчато: «система идей, выраженных с той или иной точки зрения». Таким образом, как указывают авторы, «идеология представляет категорию, включающую в себя науку и метафизику, а также различные политические идеологии безотносительно к их статусу и надежности в процессе познания объективной действительности» [14, с. 6]. Язык в целом авторы рассматривают сквозь

¹ Под идеологией мы понимаем «совокупность идей и взглядов, отражающих в теоретической более или менее систематизированной форме отношение людей к окружающей действительности и друг к другу и служащих закреплению или изменению, развитию обществ. отношений» [1, с. 229].

призму гипотезы Сепира — Уорфа, согласно которой язык «навязывает» мышлению определенную модель действительности. «Язык,— пишут авторы,— является частью жизни общества, будучи его практическим сознанием. Это сознание неизбежно представляет собой предвзятое, фальшивое сознание. Мы можем назвать его „идеологией“» [14, с. 6]. Такое понимание идеологии и языка определяет чрезвычайно разнообразие лингвистических вопросов, рассматриваемых в работе. При этом проблема взаимоотношения языка и идеологии (если последнюю понимать в том смысле, в каком это принято в современной марксистской литературе) затрагивается лишь вскользь.

Большое внимание теоретическим проблемам взаимоотношения языка и идеологии уделяют языковеды ГДР. Так, В. Шмидт, анализируя эти проблемы, вводит понятие «идеологической связанности» (*Ideologiegebundenheit*) лексических единиц. Под «идеологической связанностью» понимается семантическая детерминированность слова, заданная его принадлежностью к терминологической системе определенной идеологии или какому-либо ее варианту, а также местом, занимаемым им в этой системе [15]. При исследовании «идеологически связанной» лексики лингвистов, по мнению автора, в первую очередь интересует, как отражается идеологическая обусловленность языкового знака в структуре его значения. В. Шмидт считает, что было бы неверно выделять особый идеологический компонент в значении «идеологически связанного» слова, ибо это противоречило бы марксистско-ленинскому положению о тесной связи познавательного и идеологического аспектов восприятия действительности. Лингвистическим следствием данного положения является то, что понятийный компонент значения слова идеологически окрашен уже с момента своего возникновения [16]².

Оригинальный подход к проблеме взаимоотношения языка и идеологии предлагает А. Нойберг. В ходе анализа этой проблемы он вводит новое понятие «идеологема», которая определяется как «лингвистический инвариант с социальной релевантностью» [18]. Понятие «идеологема» представляет собой некую абстракцию, введение которой, по мнению автора, позволит обобщить факты некоторых языковых различий и показать их зависимость от определенных социальных феноменов. Следует отметить, однако, что разработка этого понятия находится в самой начальной стадии, определяется оно довольно расплывчато, поэтому в настоящее время еще трудно судить, в какой степени его введение облегчит процесс описания и изучения взаимоотношений языка и идеологии.

Все разобранные работы базируются на материале политической лексики или политических текстов. Следует сказать, что вообще зарубежных исследователей в связи с обсуждаемой темой привлекает главным образом так называемый «язык политики» [19—22], хотя сам термин «язык политики» понимается не всегда однозначно. Некоторые ученые употребляют его в качестве синонима термина «специальный словарь политики» («политическая лексика») [23], другие же, наряду со специальным словарем политики, включают в это понятие особый прагматический аспект, т. е. некоторые особенности использования этого словаря в речи [16].

При анализе языка политики обычно рассматриваются два круга вопросов: 1) какие свойства характеризуют специальный словарь политики; 2) при помощи каких языковых средств можно наиболее эффективно воздействовать на формирование идеологии носителей языка.

Таким образом, в настоящее время наибольшее внимание исследователей в связи с проблемой взаимоотношения языка и идеологии привлекают следующие вопросы: 1) влияние идеологии на функционирование языка

² Весьма детально этот вопрос исследует также Т. Шиппан, которая считает, что «идеологическая связанность» слова является свойством семантического компонента языкового значения и может быть выявлена путем анализа сем, составляющих лексему [17].

и его функциональное развитие; 2) использование языка для определенных идеологических целей; 3) особенности языка политики. Однако этими аспектами не может быть ограничено изучение рассматриваемой проблемы. При всей важности первых двух из указанных направлений большой интерес представляет также вопрос о том, влияет ли идеология на саму структуру языка. Этот вопрос затрагивается при обсуждении языка политики. Но, во-первых, внимание исследователей привлекает почти исключительно политическая лексика³, в то время как вопрос о возможности отражения идеологии на других уровнях структуры языка, являющийся весьма важным и нетривиальным, остается вне рассмотрения. Во-вторых, идеология выступает не только в форме политических взглядов, в нее включаются также правовые, этические, философские, религиозные воззрения. В этой связи большой интерес представляет вопрос, являются ли свойства языка политики специфическими или они в той или иной степени присущи и языкам других форм идеологии, например, языку философии, языку этики и т. д. И, наконец, в-третьих, если существуют какие-либо особенности, общие для языков всех форм идеологии, то безусловный интерес представляет вопрос о том, какие свойства идеологии обуславливают их появление.

Не претендуя на полный охват указанной проблематики, в данной работе мы попытаемся уточнить только два вопроса: существуют ли какие-либо свойства, характерные для терминологических систем языков⁴ политики, философии, этики, права, религии, и если таковые существуют, то какими свойствами идеологии они обусловлены⁵.

Практически все исследователи сходятся в том, что наиболее характерной особенностью языка политики является многозначность его основных терминов. Нам представляется, что это свойство в определенной степени присуще и языкам других форм идеологии. Применительно к языку философии это достаточно убедительно показано в работах Э. Топича и Т. Д. Уэлдона (мы не будем останавливаться на интерпретации этих фактов в работах указанных авторов, отметим только, что их подход к проблеме опирается на совершенно чуждые нам методологические позиции)⁶. На многозначность многих терминов этики указывает И. Ф. Протченко [27]. Таким же образом, по-видимому, обстоит дело и с языком права.

Здесь следует затронуть еще один вопрос: на каком лингвистическом материале изучать рассматриваемую нами проблему? Чаще всего проблема влияния идеологии на язык анализируется в связи с различиями в немецком языке в ГДР и ФРГ⁷. Действительно, в данном случае язык функционирует в качестве основного средства общения в странах с различным социальным строем и соответственно с разными господствующими идеологиями, причем страны эти связаны общим историческим прошлым. Ввиду небольшого отрезка времени, в течение которого немецкий язык функционирует раздельно в этих двух государствах, существенные различия в его вариантах трудно объяснить какими-либо внутренними зако-

³ В последнее время появился ряд работ, авторы которых рассматривают и другие уровни языка, однако эти исследования носят весьма фрагментарный характер [24, 25].

⁴ Необходимо указать, что словосочетания «язык политики», «язык философии», «язык идеологии» мы употребляем, вслед за другими авторами, скорее в метафорическом, нежели в терминологическом смысле. Речь, конечно, идет не о языках, а об особенностях лексико-семантической и других подсистем.

⁵ Следует отметить, что хотя всякая идеология получает свое отражение прежде всего в литературном языке, тем не менее можно обнаружить определенное влияние идеологии на жаргоны, сленг и т. п. Однако в настоящей статье нас будет интересовать прежде всего влияние идеологии на литературный язык.

⁶ Подробный критический анализ этих работ дается в статье [26].

⁷ Мы не будем перечислять работы, посвященные этой проблеме, список был бы слишком обширным. Укажем только, что библиография по этой проблеме [28] включает 1471 наименование. Со времени ее опубликования этот список, безусловно, еще больше расширился.

нами развития языка. По всей вероятности, они обусловлены в первую очередь социальными факторами, поэтому остается вычлениить из всей их совокупности моменты идеологического характера и проанализировать различия, развившиеся в немецком языке в ГДР и ФРГ под их влиянием.

Исследовать проблему влияния идеологии на язык на материале языка, функционирующего в каком-либо одном государстве даже с сильной идеологической дифференциацией, уже значительно более сложно. Как подчеркивалось еще К. Марксом и Ф. Энгельсом, «мысли господствующего класса являются в каждую эпоху господствующими мыслями. Это значит, что тот класс, который представляет собой господствующую материальную силу общества, есть в то же время и его господствующая духовная сила. Класс, имеющий в своем распоряжении средства материального производства, располагает вместе с тем и средствами духовного производства» [29]. В силу этого язык в том виде, в котором он используется господствующими классами для пропаганды своей идеологии, функционирует значительно шире, чем язык в той форме, в которой он фигурирует в процессе пропаганды идеологии эксплуатируемых классов. Это особенно характерно для письменной формы литературного языка, поскольку, как правило, в классовом обществе угнетенные классы либо вовсе не имеют возможности печататься, либо то, что они пишут, бывает сильно искажено цензурой правящих классов. Однако, поскольку новые идеологические воззрения всегда формируются еще в период расцвета предшествующей социально-экономической формации, влияние различных идеологий на язык в обществе с ярко выраженной идеологической дифференциацией, безусловно, весьма существенно. И трудности, возникающие при исследовании этих процессов, носят, если можно так выразиться, главным образом технический характер: сложности, связанные с подбором материала, и т. п.

Существуют ли рассматриваемые нами явления в языках, функционирующих в обществах с однородной идеологической структурой, например, в русском языке? Прежде чем ответить на этот вопрос, подчеркнем еще раз, что нас интересует только идеологически обусловленная многозначность слова, т. е. наличие у него либо нескольких идеологически связанных значений, либо идеологически связанного и идеологически нейтрального, но нейтральность эта идеологически релевантна (более подробно типы идеологически обусловленной многозначности будут рассмотрены нами ниже). Так, например, слово *реакция* имеет ряд значений: «химическое взаимодействие между веществами, приводящее к образованию новых веществ»; «ответ организма на то или иное раздражение, воздействие извне»; «активное сопротивление отживающих классов общественному прогрессу, выражающееся в подавлении демократических прав и свобод». Нам будет интересно только последнее значение слова, которое мы называем «идеологически связанным» или для простоты изложения «идеологическим термином». Данный идеологический термин в русском языке однозначен. На наш взгляд, в таком виде, как, например в немецком или английском языках, многозначности идеологических терминов в русском языке не существует⁸. Исключением в этом отношении является язык религии, поскольку на русском языке говорят как атеисты, так и носители религиозной идеологии. Но этот случай во многом носит особый характер, позже он будет рассмотрен более детально. В языках же, обслуживающих другие формы идеологии, идеологическую диф-

⁸ Сказанное, однако, не означает, что все идеологические термины в русском языке однозначны. Достаточно заглянуть в любой философский словарь, словарь по этике и т. п., чтобы убедиться в обратном. Но в данном случае многозначность отдельных философских и т. д. терминов в русском языке обусловлена не идеологической дифференциацией общества, а существованием в науке различных точек зрения по тому или иному вопросу, т. е. здесь мы имеем дело с явлением, которое Ю. Д. Дешериев определяет как концептуальную дифференциацию.

ференциацию можно выявить только в диахроническом плане. Но здесь встает другая проблема, связанная прежде всего с переводом таких терминов с языков, в которых они многозначны, на русский язык. Дело в том, что, с одной стороны, существуют нормы перевода различных лексико-семантических единиц с одних языков на другие, например, англ. *democracy*: 1) «демократия»; 2) «демократическая страна»; 3) «демократизм»; 4) (амер.) «демократическая партия» [30, с. 269]; нем. *Demokratie* «демократия» [31, с. 194]; франц. *démocratie* «демократия» [32, с. 163]; англ. *freedom*: 1) «свобода, независимость»; 2) «право, привилегия»; *freedom of speech* «свобода слова», *freedom of the press* «свобода печати»; *academic freedoms* «академические свободы»; 3) «свободное пользование»; 4) (разг.) «свобода, вольность» [30, с. 408]; нем. *Freiheit*: 1) «свобода, воля»; 2) «вольность»; 3) «простор»; 4) «смелость, дерзость» [31, с. 315]; франц. *liberté*: 1) «свобода»; *liberté d'expression; de la parole* «свобода слова»; *liberté de la presse* «свобода печати»; 2) (pl.) «правда, преимущество»; *les libertés démocratiques* «демократические свободы»; *libertés civiles* «гражданские свободы, преимущества»; 3) (pl.) «вольности» [32, с. 350].

С другой стороны, поскольку эти термины в указанных языках имеют ярко выраженную идеологически обусловленную многозначность, а в сознании носителей русского языка они устойчиво связаны с соответствующими понятиями марксистско-ленинской идеологии, перед переводчиком стоит двойная задача: не только перевести термины с иностранного языка на русский, но и каким-то образом адекватно отразить их идеологическую наполненность. Аналогичная задача встает при описании различных понятий, связанных с буржуазной идеологией, или при изложении буржуазных концепций, касающихся различных сторон нашей общественно-политической жизни и марксистско-ленинской идеологии. Рассмотрим следующие примеры: «Проблемы „свободного обмена“ и „прав человека“ в социалистических странах заняли одно из главных мест в деятельности идеологических служб НАТО» (Комс. правда, 1977, 21 мая) или «Таковы представления буржуазных теоретиков о конкретных путях и судьбах „свободы“ и „демократии“ в современном мире» (Правда, 1979, 26 окт.). Слова и словосочетания *свобода*, *демократия*, *свободный обмен*, *права человека* заключены в этих фразах в кавычки, тем самым автор показывает читателю, что они употреблены в несобственном смысле, т. е. в них вкладывается иное содержание, чем это принято в нашей литературе. Если бы они не были заключены в кавычки, то фразы приобрели бы для советского читателя совершенно иной смысл. Этот прием (закавычивание слов в тех случаях, когда они выражают содержание, вкладываемое в них буржуазными идеологами) получил в настоящее время широкое распространение; кавычки служат здесь в качестве своеобразного маркера, позволяющего отличить одно «идеологически связанное» значение слова от другого. Часто в аналогичных случаях используется и другой прием: перед идеологически релевантными словами, когда их употребляют относительно реалий буржуазной жизни, ставятся дополнительные словосочетания типа «так называемый» и т. п.

Все авторы, пытающиеся объяснить причины многозначности основных терминов языка политики, сходятся в том, что она социально обусловлена, а именно, определяется существованием различных идеологий, прежде всего буржуазной и марксистско-ленинской. Это, безусловно, верно. Однако такое объяснение нельзя считать исчерпывающим. Возникает вопрос, почему бы каждой идеологии не сформировать свою терминологическую систему, не пересекающуюся с терминологическими системами других идеологий, как это происходит, скажем, с языком физики и языком ветеринарии. Невозможность этого объясняется некоторыми особенностями идеологии. Основным фактором, определяющим возникновение той или иной идеологии, являются материальные отношения. Как отмечал В. И. Ленин, основная идея исторического материализма

«состояла в том, что общественные отношения делятся на материальные и идеологические. Последние представляют собой лишь надстройку над первыми» [33]. Но необходимо учитывать также то обстоятельство, что идеология не является простым рефлексом общественного бытия, как это утверждает вульгарный экономический материализм: на ее развитие, наряду с экономическим укладом, оказывает влияние и сумма теоретических взглядов, накопленных за предыдущий период истории. Таким образом, хотя идеология и определяется в конечном счете экономическим укладом общества, тем не менее она обладает относительной самостоятельностью, которая выражается в том, что «каждая новая идеологическая система, являясь по сути отражением обществ. бытия, по форме выступает как продолжение предшествующего развития мысли, зависит от накопленного ранее запаса понятий и представлений» [1, с. 231]. Ввиду этого в сфере идеологии имеет место определенная преемственность, которая заключается в следующем: отражая изменяющиеся исторические условия, существующие общественные противоречия, идеология формулирует свои положения в основном в понятиях и категориях, созданных ранее, но вкладывает в них новое содержание, включает их в новые системы воззрений. «Основой преемственности является то обстоятельство, что в развитии антагонистич. формаций изменяется конкретный характер различных обществ. явлений, но сами эти явления остаются (напр., классы, гос-во, отношения эксплуатации и т. п.). Поэтому сохраняются и понятия, отражающие эти явления, но содержание их меняется. Использование в новых историч. условиях предшествующего мыслит. материала позволяет опираться на результаты абстрагирующей работы мышления прошлых поколений, а не создавать заново необходимого запаса понятий и представлений» [1, с. 232].

Вместе с понятиями сохраняются, как правило, и обозначающие их слова, но поскольку меняется содержание понятий, меняется и значение соответствующих слов. Таким образом, в обществах с неоднородной идеологической структурой в языке одновременно функционируют идеологически связанные слова, употребляемые, в соответствии с идеологической дифференциацией носителей языка, в различных значениях. Это и создает почву для развития многозначности основных идеологических терминов. Процесс этот идет легко и интенсивно еще и потому, что ни в коей мере не противоречит внутренним законам развития языка. Как отмечает Р. А. Будагов, «многозначность слова естественных языков народов мира — это одна из важнейших особенностей их лексики, одна из важнейших особенностей человеческого языка вообще» [34]. Итак, с одной стороны, особенности развития идеологии, а с другой стороны, свойства естественных языков создают благоприятную почву для возникновения многозначности основных терминов идеологии. Собственно говоря, терминами они являются только в словаре каждой конкретной идеологии, где служат для точного выражения специальных понятий. В языке же идеологии в целом им, как было показано, присуща многозначность, весьма нехарактерная для терминов.

Многозначность идеологически связанной лексики весьма искусно используется буржуазными идеологами для выполнения стоящих перед ними социальных задач⁹: примирения с буржуазной действительностью, распространения настроений общественной пассивности, переключения интересов людей из плоскости социальной в плоскость индивидуальных интересов, интерпретации объективных знаний в свете буржуазной иде-

⁹ Большой интерес в этой связи представляет исследование Ф. Кайнца. Автор считает, что многозначность основных политических терминов позволяет преднамеренно неправильно использовать язык политики. Важную роль здесь играет также тот факт, что каждый языковой знак кроме центрального логически-предметно-понятийного значения имеет различные побочные значения, полутона, оценочные значения и т. п. [35].

логии и др. В достижении их огромная роль отводится языку — мощному орудию воздействия на общественное сознание. Буржуазными пропагандистами, специалистами по массовой информации разработаны самые разнообразные приемы и методы использования языка для формирования у его носителей определенных социально-психологических стереотипов, создающих благоприятную почву для усвоения буржуазной идеологии. Среди них, наряду с использованием существующей многозначности, целенаправленное создание новых значений у слов, обозначающих различные идеологические понятия. Таким образом, объективно существующая многозначность основных идеологических терминов дополнительно осложняется вследствие деятельности буржуазных идеологов.

Многозначность идеологических терминов определенным образом отличается от многозначности слов, принадлежащих к другим семантическим полям. При определении многозначности в обычном смысле одним из основных ее признаков является то, что «значения многозначного слова находятся в отношении комплементарной дистрибуции (дополнительного распределения) друг к другу, т. е. появление тех или иных значений зависит от употребления слова в различных лексико-семантических позициях» [36]. В отношении идеологически обусловленной многозначности этот принцип совершенно не соблюдается. Как правило, даже из достаточно широкого контекста трудно выявить, какой именно смысл вкладывается в слова *Freiheit* «свобода», *Sozialismus* «социализм» и т. д. Так, например, чтобы понять смысл фразы *Unsere Partei kämpft für Freiheit und Sozialismus* «Наша партия борется за свободу и социализм», зачастую бывает даже недостаточно прочитать статью, в которой она фигурирует, необходимо посмотреть название газеты, где она напечатана, т. е. привлечь экстралингвистические данные (идеологическую позицию партии, выступающей с данным заявлением), поскольку слово *социализм* здесь может употребляться и в том смысле, в котором оно понимается в марксистской идеологии, и в том значении, которое вкладывают в него представители отдельных направлений буржуазной идеологии (ср., например, «шведскую модель социализма»), и в том смысле, в котором оно понимается идеологами некоторых развивающихся стран, и т. д. В соответствии с тем, за какой социализм борется данная партия, естественно, меняется и значение слова *свобода*. Учитывая этот момент, может показаться более логичным рассматривать единицы *социализм₁*, *социализм₂*, *социализм₃*... в качестве омонимов, однако такой подход также представляется не вполне обоснованным, так как всем этим единицам, без сомнения, присущ определенный общий семантический элемент, имеющий, правда, весьма специфическую природу. Если в приведенных выше единицах этот общий семантический элемент («общество, основанное на социальном равенстве») действительно имеется¹⁰, то в слове *социализм* в том смысле, в котором оно употребляется некоторыми оппортунистическими направлениями в рабочем движении, этот элемент по сути дела отсутствует. Но в последнем случае имеется весьма тонкий момент, который и используется идеологами этих направлений: в сознании народных масс слово *социализм* закреплено как содержащее указанный семантический элемент, с чем и связано его позитивное восприятие, которое сохраняется даже в тех случаях, когда содержание слова коренным образом меняется.

Многозначность идеологических терминов может быть двух основных типов. Чаще всего такие термины имеют по несколько «идеологизированных» значений. Сопоставим, например, определения слова *реформизм*, приведенные в толковых словарях немецкого языка, изданных в ГДР и ФРГ:

¹⁰ Компонент этот присутствует и в слове *социализм*, употребляемом в том смысле, в котором это принято в большинстве направлений буржуазной идеологии, но в данном случае он оценивается негативно.

«Оппортунистическое направление в рабочем движении, которое стремится осуществить социальные преобразования исключительно путем реформ и отказывается от революционной борьбы за низвержение капиталистического строя» [37].

«Движение за улучшение какого-либо состояния или программы; в коммунистическом словоупотреблении: движение внутри рабочего класса, которое стремится добиться социальных улучшений путем проведения реформ, а не революции» [38].

Как мы видим, слово *реформизм* имеет два значения (западногерманский словарь приводит оба), причем каждое из них идеологически маркировано. Но «идеологически связанные» значения слов могут соотноситься и другим образом: одно из них бывает идеологически маркированным, а другое нет, причем отсутствие маркера во втором случае является идеологически релевантным. Приведем в качестве примера толкования слова *ангел*: I. «Ангел м. существо духовное, одаренное разумом и волею. Ангел Велика Совета, Спаситель. Ангел-хранитель, приставленный Господом к человеку, для охраны его. Ангел света, благой, добрый; ангел тьмы, аггел, злой дух. Чей-либо ангел, святой, коего имя кто носит; день ангела, именины. По злоупотреблению, ангелом и ангелом во плоти называют не только человека кроткого, благого жития, но и вообще кого любят, ласкают, кому льстят. В этом знач. слышим: ангелочек, ангельчик, ангелушка, ангелёнок» [39]; II. «Ангел м. 1. По учению христианской религии, вестник бога — особое сверхъестественное существо (изображавшееся в виде юноши с крыльями). Употр. в мифологии, поэзии, изобразительных искусствах. 2. Ангел мой, мой ангел (ср. франц. *mon ange*) — употребляется в ласковом обращении, особенно к любимой женщине. 3. Устар. Переносно: об идеале, воплощении чего-либо» [40]. Первое определение взято из словаря В. И. Даля, который составлялся в то время, когда большинство носителей русского языка были религиозны; слово *ангел* соответственно определялось в нем с точки зрения религиозной идеологии. Второе определение приводится по словарю современного русского литературного языка, в котором отражена господствующая в нашем обществе идеология марксизма-ленинизма, составной частью которой является научный атеизм. В первом случае «ангел» (мы обсуждаем только первое основное значение слова) определяется как реальное существо, во втором — как плод человеческой фантазии, представление, занимающее определенное место в системе религиозных учений. Аналогичным образом обстоит дело с большинством терминов религиозной идеологии (другой вопрос, что многие из них вообще неизвестны современному носителю русского языка — атеисту). Тот факт, что указанные словари разделены сравнительно большим временным промежутком, не играет существенной роли для наших выводов, поскольку за время, прошедшее со времени выхода словаря В. И. Даля, религиозная идеология не претерпела значимых изменений и представители ее в настоящее время употребляют религиозные термины в том же значении, в каком они приводятся в словаре В. И. Даля.

Такая несимметричная маркированность терминов религиозной идеологии обусловлена, на наш взгляд, отсутствием преемственности между религиозной и атеистической идеологиями. Понятия религиозной идеологии не наполняются каким-либо новым содержанием в рамках идеологии марксизма-ленинизма, как это происходит, например, с такими понятиями, как «государство», «свобода», «право» и т. п.

В заключение отметим, что многозначность характерна далеко не для всех идеологически связанных терминов, что обусловлено также особенностями соотношения понятийных систем различных (по содержанию) идеологий. Так, если какое-либо понятие возникает непосредственно в новой идеологической системе, то, как правило, оно бывает однозначным, например, слово *большевик*, но в таких случаях существенные различия возникают в оценочном компоненте значения слова.

1. Философская энциклопедия. Т. 2. М., 1962.
2. *Волошинов В. Н.* Марксизм и философия языка. Основные проблемы социологического метода в науке о языке. Л., 1929.
3. *Абаев В. И.* Язык как идеология и язык как техника.— Язык и мышление. Т. II. М.— Л., 1934.
4. *Будагов Р. А.* Из истории политической терминологии во Франции.— Литературный критик, 1938, № 4.
5. *Будагов Р. А.* Развитие французской политической терминологии в XVIII в. Л., 1940.
6. *Державин К.* Борьба классов и партий в языке Великой Французской революции.— Язык и литература. Т. II. Вып. 1—2. Л., 1927.
7. *Жирмунский В. М.* Национальный язык и социальные диалекты. Л., 1936.
8. *Лафарг П.* Язык и революция. М., 1930.
9. *Дешериев Ю. Д.* Закономерности развития и взаимодействия языков в советском обществе. М., 1966.
10. *Дешериев Ю. Д., Протченко И. Ф.* Развитие языков народов СССР в советскую эпоху. Т. I—IV. М., 1969—1976.
11. Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху. Т. I—IV. М., 1969—1976.
12. *Белодед И. К.* Язык и идеологическая борьба. Киев, 1974.
13. *Дешериев Ю. Д.* Язык, идеология и проблемы современной культуры.— В кн.: Идеологическая борьба и современная культура. М., 1972.
14. *Kress G., Hodge R.* Language as ideology. London — Boston, 1979.
15. *Schmidt W.* Zur Ideologiegebundenheit der politischen Lexik.— Zeitschr. für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung. 1969, Bd. 22.
16. *Schmidt W.* Das Verhältnis von Sprache und Politik als Gegenstand der marxistisch-leninistischen Sprachwirkungsforschung.— In: Sprache und Ideologie: Beiträge zu einer marxistisch-leninistischen Sprachwirkungsforschung. Halle (Saale), 1972.
17. *Schippan T.* Konnotation und Ideologiegebundenheit im lexikalischen Bereich.— In: Sprachnormen, Stil und Sprachkultur (Linguistische Studien, Reihe A, № 54), Berlin, 1979.
18. *Neubert A.* Zu Gegenstand und Grundbegriffen einer marxistisch-leninistischen Soziolinguistik.— In: Beiträge zur Soziolinguistik. Halle (Saale), 1974, S. 36.
19. *Klaus G.* Sprache der Politik. Berlin, 1971.
20. *Topitsch E.* Über Leerformeln. Zur Pragmatik des Sprachgebrauchs in Philosophie und politischer Theorie. Wien, 1960.
21. *Lasswell H. D.* The language of politics. New York, 1949.
22. *Maier H.* Sprache und Politik. Zürich, 1977.
23. *Weldon T. D.* Kritik der politischen Sprache. Vom Sinn politischer Begriffe. Neuwied, 1962.
24. *Schmidt V.* Gesellschaftlich determinierte Bedeutungsveränderungen im deutschen Wortschatz seit dem 19. Jahrhundert. Berlin, 1978.
25. *Hellmann M. W.* Sprache zwischen Ost und West. Überlegungen zur Wortschatzdifferenzierung zwischen BRD und DDR und ihren Folgen.— In: Sprache und Kultur: Studien zur Diglossie, Gastarbeiterproblematik und kulturellen Integration. Tübingen, 1978.
26. *Harnisch H.* Zu einigen spätbürgerlichen Auffassungen vom Wesen und von den Funktionen der Sprache.— In: Sprache und Ideologie: Beiträge zu einer marxistisch-leninistischen Sprachwirkungsforschung. Halle (Saale), 1972.
27. *Протченко И. Ф.* Лексика и словообразование русского языка советской эпохи. М., 1975, с. 110—111.
28. Bibliographie zum öffentlichen Sprachgebrauch in der Bundesrepublik Deutschland und in der DDR. Hrsg. von Hellmann M. W. Düsseldorf, 1976.
29. *Маркс К. и Энгельс Ф.* Немецкая идеология.— Соч., 2-е изд., т. 3, с. 45—46.
30. Англо-русский словарь. Сост. Мюллер В. К. М. 1962, с. 269.
31. Немецко-русский словарь. Ред. Лепинг А. А., Страхова Н. П. М., 1968.
32. Французско-русский словарь. Сост. Потоцкая В. В., Потоцкая Н. П. М., 1967, с. 163.
33. *Ленин В. И.* Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов.— Полн. собр. соч., т. 1, с. 149.
34. *Будагов Р. А.* Человек и его язык. М., 1976, с. 123.
35. *Kainz F.* Über die Sprachverführung des Denkens. Berlin, 1972, S. 398.
36. *Шмелев Д. Н.* Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973, с. 80.
37. Der Grosse Duden. Leipzig, 1957.
38. Duden. Rechtschreibung der deutschen Sprache und Fremdwörter. Mannheim, 1961.
39. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I, М., 1956, с. 16.
40. Словарь современного русского литературного языка. Т. I. М.— Л., 1950, с. 137.